

Марат Валеев

*Смеяться,
право,
не грешно*

*Новогодняя серия книг
авторов группы «Наше
оружие — слово» под
редакцией Сергея
Ходосевича*

Марат Хасанович Валеев
Смеяться, право, не грешно.
Новогодняя серия книг
авторов группы «Наше
оружие – слово» под
редакцией Сергея Ходосевича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39490352
ISBN 9785449394873

Аннотация

Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...

Содержание

Марат Валеев	6
Игра в снежки	7
Изюминка	11
Зимние забавы	16
Предъява	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Смеяться, право, не грешно
Новогодняя серия
книг авторов группы
«Наше оружие –
слово» под редакцией
Сергея Ходосевича

Марат Валеев

Редактор Сергей Ходосевич

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4493-9487-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марат Валеев

Марат Хасанович Валеев закончил факультет журналистики КазГУ (г. Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области, Красноярского края. Автор и соавтор более двух десятков сборников. Живет в Красноярске. Лучший прозаик и автор юмористических рассказов группы ВК Наше оружие-слово осеннего и зимнего сезона 2018

Игра в снежки

Коренной москвич студент Гарик Карапетян декабрьским вечерком вышел из подъезда дома своей однокурсницы Наденьки Рыжовой. Они только что закончили подготовку к очередной экзаменационной сессии и потому у Гарика было хорошее настроение. Под стать была и погода: мягкая, чуть-чуть морозная. Крупными хлопьями валил снег, мягким ватным одеялом покрывая дома, улицы, деревья, смоляные кудри Гарика.

– И-эх, как хорошо-то! – закричал Гарик, слепил снежок и метнул его наудачу.

Снежок попал в лобовое стекло одной из стоящих у подъезда крутых иномарок. Иностранка взревела дурным голосом. Тут же распахнулось окно на втором этаже и какой-то мужик не менее дурным голосом прокричал:

– Э, ты, а ну отойди от моей тачки! Или сейчас выйду – мало не покажется!

– Да не трогал я вашей машины! – обиженно ответил Гарик.

Но хорошее настроение у него не пропало, и вторым снежком он залепил точно в распахнутое окно автовладельца. Тот выругался и исчез в глубине квартиры.

Гарик захохотал и побежал прочь. Позитив все еще не оставлял студента. Он на ходу еще раз зачерпнул снежок

и легонько бросил его в спину торопливо семенящей впереди него женщины.

– Караул, грабят, убивают! – пискнула та и припустила бегом по тротуару. Но поскользнулась и упала.

Гарик, все еще улыбаясь, подошел к ней, протянул руку.

– Уйди, маньяк! – завизжала тетенька, прижимая к груди сумочку.

– Да я же помочь вам хотел, – сконфуженно пролепетал Гарик. – Ну, не хотите – как хотите.

И опечаленно пошел прочь. А крупные хлопья снега, кружась, все падали и падали вниз, как будто с неба на землю вдруг устремились мириады белых бабочек. Гарик подумал о своей однокурснице Наденьке, с которой они сегодня столько трудились, готовясь к сессии, и у него потеплело в груди.

Он снова слепил снежок и просто высоко подбросил его вверх. Снежок, описав крутую дугу, упал точно на бритую голову вразвалку шедшего перед Гариком рослого парня.

– Быкуешь, пацан? – бритый угрожающе выставил перед собой сжатые кулаки и косолапо пошел на Гарика. – Э, да ты еще и нерусский? А ну стой!

Гарик тут же нырнул в подвернувшийся двор. Запыхавшись, встал за покрытое снежной шапкой дерево, выглянул. Бритого не было. Гарик вздохнул с облегчением.

И тут ему в спину мягко ударил снежок и послышался залистый детский смех. Гарик вздрогнул и обернулся. В пя-

ти шагах стояла тепло одетая хорошенькая девчушка лет семи-восьми и лепила новый снежок.

– Какой ты смешной! – весело сказала она. – Давай в снежки поиграем, а?

– Девочка, тебя разве не учили, что нельзя общаться с незнакомыми мужчинами? – разулыбался Гарик. – А вдруг я нехороший?

– Да какой ты нехороший! – снова засмеялась девочка. – Ты смешной. Да и не боюсь я тебя. Со мной охрана. Ну, теперь твоя очередь. Брось в меня снежок!

И только тут Гарик заметил, что за соседним деревом стоит, весь покрытый снегом, как большой сугроб, верзила.

– Бросай снежок, парень, бросай! – поощрительно прогудел сугроб. – Но смотри мне!

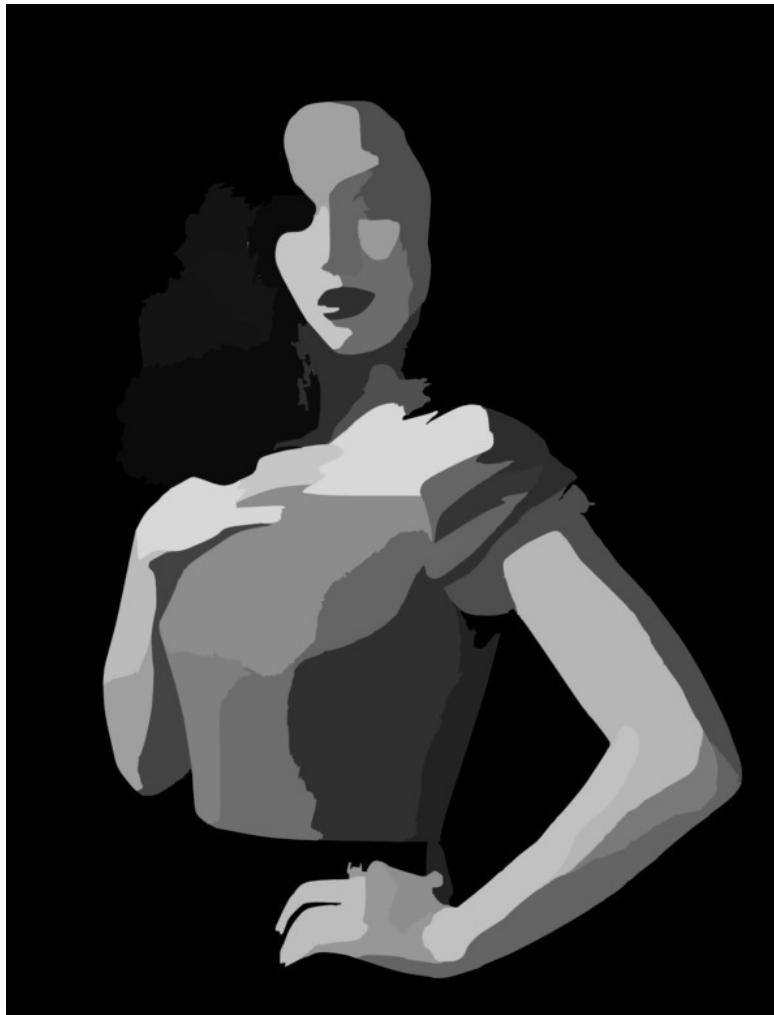
И он сунул руку во внутренний карман.

– А можно, я домой пойду, а? – жалобно сказал Гарик. – У меня бабушка больная.

– Ладно уж, иди! – милостиво разрешила девочка. – А это тебе на дорожку!

И увесистый снежок угодил Гарику точно в лоб.

– Контрольный! – довольно крикнул охранник. – Молоток, Юленька. А ты иди, мужик, иди! Пока мы не передумали...

Изюминка

Весной прошлого года это было. Мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре Красноярского Спид-Центра, чтобы сдать кровь на анализы – не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было еще закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только ее узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными волосами.

А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть ее получше. Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие – не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Пола длинного пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были

именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась, и я бы унес с собой созданный в моем воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размазанными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуально уменьшенным в размере.

Мда, не красавица... Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы все сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открою большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные ее красивые части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел ее на морозе синей, и этот цвет ее, к тому же еще и хорошенького, личика, так сочетался с ее сизовой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в нее безответно влюблен. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорила ее... носик! Такой аккуратный,

точенный, ну – просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добраться, увы, не успел – до меня раньше добрался военкомат.

Еще одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей – длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть ее тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз и, сколько бы ее хозяйка шаловливо, а порой и сердито, не шлепала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней засосы.

Или вот, мой знакомый, Виктор, тот сходил с ума, если встречал особей с зелеными глазами. Он прямо трясся от вожделения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретилась ему такая – Наташа, с глазами цвета малахита.

Правда, замужняя уже, с ребенком. Но Виктора это не остановило, он увел зеленоглазую Наталью из семьи и увез ее хоть и не на край света, но, считайте, на край России, в Ставрополье. И они жили там счастливо, но правда – недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зеленых глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится

ее профиль. Он и сегодня у Светки остается очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!»...

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на нее тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...

Зимние забавы

Зимние каникулы! Их мы ждали с не меньшим нетерпением, чем летние. Ведь зимних забав в деревне хоть отбавляй – тут тебе и катание на коньках на замерзшем льду озера Долгое, и подледная рыбалка, и поход на лыжах через Иртыш, и катание на санках с крутого старого иртышского берега – спуска к огородам.

Но поскольку зимой день короток, а после школы надо и родителям по хозяйству помочь, и хоть часть уроков сделать, на эти забавы времени абсолютно не оставалось. Глядь в заиндевелое окно – а там уже багровый (к морозу) вечерний закат и быстро надвигающиеся ночные сумерки с яркими слабо мерцающими звездами в темном безоблачном небе. Так что на зимние игры оставалось разве что воскресенье.

А в каникулы – это ж две недели свободы! В 60-е мое родное село Пятерыжск было особенно населено и детей в нем было много, так что в зимние каникулы на льду пойменных озер, на крутой укатанной береговой горке просто звон стоял от счастливых криков и смеха ребятишек.

Коньков настоящих тогда почти ни у кого не было, к валенкам туго приматывались деревянные бруски с прилаженными к ним проволочными полозками, вот на них-то мы и рассекали со скрежетом по льду, гоняя самодельными же

деревянными клюшками шайбы (а вот шайба, помню, почти всегда была настоящей – где-то доставали).

Но больше всего детей – и мальчишек, и девчонок, – сустилось на горке, спуске к огородам под иртышским берегом. Этот взвоз (как раз напротив дома Копейкиных Дяди Тимоши и тети Физы) был самым крутым – как помнится, с уклоном градусов в 30—40, – из всех имеющихся в деревне, и длиной в несколько десятков метров.

Он предназначался преимущественно для пешего спуска сельчан, как я уже говорил, к расположенным под берегом на черноземной луговине огородам, для выгона гусей и уток, телят на луговые пастбища летом и поения коров из бьющего внизу из песчаного обрыва большого ручья зимой.

На чем только мы не съезжали с этой горки, с радостным визгом от захватывающей скорости, от бьющего в лицо встречного ледяного ветра! Лучше всего, конечно, было скатываться на заводских санках – с алюминиевыми полозьями, с решетчатой крашеной седухой!

Такие санки и скользили хорошо, и обратно вверх их за-таскивать было легко (за день-то удавалось съезжать до десяти и больше раз, дождавшись своей очереди – да-да, именно очереди, потому как здесь действовал самый настоящий, постоянно движущийся конвейер из двух-трех десятков ребятшек: пока одни, плюхнувшись животом на санки или солидно усевшись на них, нередко – по двое, скатывались вниз, другие вереницей карабкались обочь спуска вверх, та-

ща на веревочных, ременных или проволочных поводках санки.

У кого не было санок – те лихо скатывались вниз в корытах или тазиках, часто – вываливаясь из них и с хохотом кувыркаясь по накатанной колее. Катались также, стоя на самодельных самокатах из толстого, специального выгнутого в кузнице прутowego железа.

Несколько раз видел, как взрослые парни (восьмиклассники для нас, учеников третьих-четвертых классов, казались уже взрослыми – они были выпускниками) толпой, с гогом скатывались вниз на самых настоящих конных розвальнях, с торчащими вверх специально подвязанными оглоблями!

Но верхом совершенства и предметом всеобщей зависти нам всем тогда казались санки, сотворенные с немецкой основательностью и добротностью дядей Адольфом Ляйрихом для своих сыновей Сашки и Вовки! Основой их было то же прутовое железо, овально выгнутое таким образом, что низ их служил полозьями, а верх – рамой, на котором намертво было прикреплена, толстая и достаточно широкая и длинная, гладко обструганная плаха- сиденье.

На этих санях, не мелко дребезжащих на ходу, как разбитые алюминиевые, а солидно покрякивающих и плавно покачивающихся на стремительном ходу, сразу могли уехать вниз несколько человек! Причем, быстрее и куда дальше, чем на обычных санках.

И желающих прокатиться на ляйриховских санках, конеч-

но, было хоть отбавляй! Надо сказать, что Сашка с Вовкой не жадничали и давали попользоваться своими санками хоть раз в день всем желающим.

Там, внизу, из снежных блоков был сооружен самодельный трамплин, предназначенный для лыжников-старшекласников. Но иногда на него наезжали и безрассудные саночники, что заканчивалось обычно разбитыми носами и сломанными санками. Потому трамплин этот мы все же избегали.

Но однажды один из братьев Ляйрихов, то ли Сашка, то ли Вовка, один наехал на стремительно мчавшихся санях на это возвышение. И воспарил! Он, слившийся с седушкой, пролетел метров, наверное, с десять и с глухим стуком обрушился на веерно раскатанный многими санками и лыжами скат за трамплином и еще по инерции проехал по нему пару десятков метров.

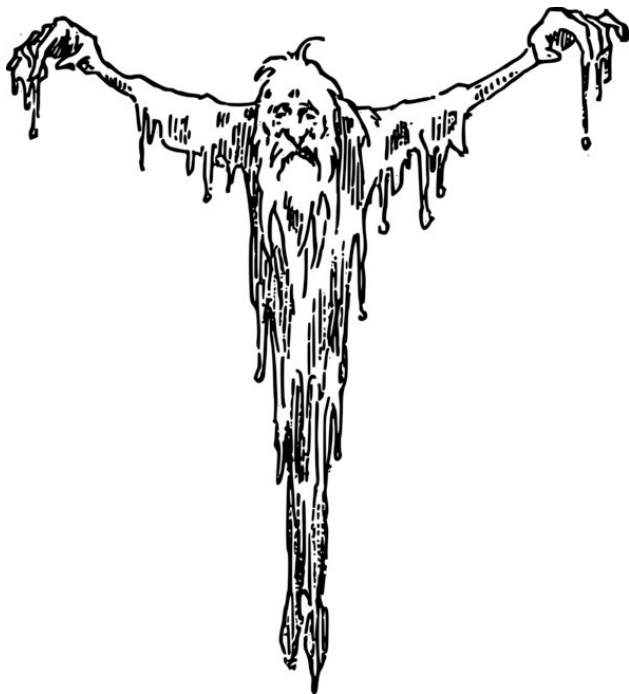
Мы думали – отбил все себе к чертовой матери, надо идти поднимать его и нести домой. Но Сашка (или Вовка?) сам сполз с санок и, взяв их за ременный поводок, слегка прихрамывая, потащил к подъему в горку. К нему уже сбежал брат, и скоро они оба были вверху. И Вовка (или Сашка?!) возбужденно рассказывал:

– Лечу я, и вижу: дядя Тапень внизу подо мной! Корову гонит от ручья и мне прутом грозит: «Я те полетаю!»

Мы не видели ни дяди Тапеня (был у нас такой в деревне мужичок-казах с таким вот странным именем и не менее

странной для казаха профессией – свинопас), ни его коро-
вы. Но видели, как высоко летел на своих знаменитых санках
один из братьев Ляйрихов. И мало ли что там могло быть,
внизу?..

Эх, зимние школьные каникулы! Многое бы я отдал, что-
бы хоть еще раз ощутить на себе их непередаваемое очаро-
вание...

Предъява

- Так, это кто кинул?
- Извините, это я.
- Ты что, ботаник, предъяву мне делаешь?
- Простите, не понял?
- Ну, в смысле, стрелку мне забить хочешь?
- Как это?
- Ты что, русского языка не понимаешь?
- Почему же? Я, в некотором роде, филолог.
- Так вот, философ, ты что, рамсы попутал.
- Чего я, извините, напутал?
- Нет, ты только погляди на него! Шлангом прикинулся!
- Боюсь повторно вызвать ваше раздражение, но я не...
- Так, заткнись, профессор! В последний раз спрашиваю!

Возможно, на понятном тебе языке. С какой целью ты кинул в меня этот слепленный тобой комок снега, а?

– Ну, просто настроение у меня хорошее! Смотрю, идет молодой интеллигентный человек с хорошим, открытым лицом...

– Ага, понятно! Расслабуху я, говоришь, допустил, открылся. Ну, дальше трактуй свой безрассудный поступок.

– Ну, я слепил снежок и кинул в вас. Просто так. Извините, если вам не понравилось.

– Значит, ты ничего ко мне не имеешь?

– Ничего, кроме первоначальной симпатии. Хотя от нее, кажется, уже ничего...

– И никто тебя ко мне не подсылал?

– Да нет. Я сам. Смотрю, идет молодой симпатичный человек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.